

О. А. Красникова

**Записка И. П. Толмачева
по результатам экспедиций по Северу Сибири
в начале XX в.**

Геолог и палеонтолог И. П. Толмачев совершил на рубеже XIX–XX вв. несколько экспедиций на север Сибири. В двух из них, наиболее крупных – Хатангской (1904–1905) и Чукотской (1909–1910) он был руководителем. О Чукотской, организованной Министерством торговли и промышленности, мы уже писали подробно (1), а здесь кратко коснемся истории, связанной с Хатангской экспедицией. Она была отправлена по инициативе и на средства Русского географического общества, и участники ее проделали путь из Туруханска на оз. Ессей, р. Хатангу, Хатангскую губу и Анабару (2). Задачами экспедиции были географическое и геологическое изучение обширного района, до этого никогда не посещавшегося исследователями, а также этнографические исследования. В составе экспедиции, помимо ее руководителя, геолога и палеонтолога Толмачева, были астроном О. О. Баклунд, топограф М. Я. Кожевников, переводчик В. Н. Васильев, занимавшийся также ботаническими и этнографическими сборами, и квартирмейстер С. М. Толстов. Результаты экспедиции оказались очень впечатляющими: маршрутами было пройдено более 7 000 верст, снято несколько сот фотографий, выполнена съемка, позволившая существенно уточнить на картах положение рек, островов и озер этой территории. Главной же заслугой Хатангской экспедиции стало открытие Анабарского кристаллического массива, которое существенно повлияло на представление о строении Азиатского материка и увеличило число тех, кто полагал, что древним континентальным ядром его являются не районы Забайкалья, а области Средне-Сибирского плоскогорья. Академические музеи пополнились прекрасно подобранными коллекциями: 900 образцов горных пород, 200 минералов, 2 000 окаменелостей поступили в Геологический музей Академии наук; гербарий, числом около 3 000, представляющий полную коллекцию цветковых и споровых растений исследованного района – в Императорский Ботанический сад; обширная зоологическая коллекция была передана в Зоологический музей АН; около 300 этнографических артефактов – в Кунсткамеру (3). Благодаря успешному проведению экспедиций и полученным значительным результатам И. П. Толмачев справедливо стал считаться одним из ведущих, если не самым крупным, знатоком Севера Азиатской России. Его путь ученого и исследователя прервался через несколько лет после смены государственной власти в 1917 г. В начале 1920-х гг. Толмачев, стараясь избежать политического давления, перебрался работать в Дальневосточный Геологический комитет, во Владивосток, и, находясь там, получил приглашение работать в США. В сентябре 1922 г. он уехал в США, в Питтсбург, где вскоре занял должность ученого хранителя Музея Карнеги, а также профессора геологии в Питтсбургском университете.

Однако Толмачев не терял связи с СССР, переписывался с коллегами, обменивался научной литературой. В числе его корреспондентов – академик Л. С. Берг, геологи А. А. Борисяк, П. В. Виттенбург, топограф М. Я. Кожевников и др.

В 1925 г. от ученого секретаря Комиссии по изучению Якутской АССР (далее – КЯР) П. В. Виттенбурга И. П. Толмачев получил предложение принять участие в намечающихся экспедиционных работах в Якутии. Охотно приняв это предложение, Толмачев, побывавший к этому времени на соляных месторождениях штата Монтана, поблизости от нефтяных месторождений, сообщал, что собирается «понюхать, не пахнет ли нефтью» в указанных Якутской экспедицией районах, а также поискать уголь, каменную соль, гипс и пр. Переписка и обсуждение этого вопроса продолжались до зимы 1926–1927 гг. Необходимо было ходатайство Президиума Академии наук перед Народным комиссариатом иностранных дел.

Толмачеву, названному в протоколе заседания Президиума КЯР «одним из крупнейших полевых работников в области исследования Северной Азии», первоначально предполагали поручить руководство Хатангским и Янским отрядами экспедиции, для чего было необходимо разработать смету, приобрести судно для каботажного плавания и совершить рекогносцировочную поездку по Колыме. Толмачев сразу же начал работать над составлением сметы, разрабатывал инструкции и планировал предстоящие работы. Поскольку предполагалось, что экспедиция будет состоять из нескольких отрядов, специализирующихся на изучении различных направлений естествознания – геологии, ботаники, зоологии и др. и даже медицины, Толмачев в письмах щедро делился своими знаниями об этих предметах, полученными в его экспедициях. Его предложения обсуждались на заседаниях КЯР.

Экспедиция сроком три года (1927–1929) потребует, как полагал Толмачев, пятилетнего пребывания в стране. Однако сразу же перебраться снова в СССР он не мог. В это время Толмачев работал в Музее Карнеги и читал лекции по палеонтологии в Питтсбургском университете. Оставив работу в середине года, он бы создал затруднения своим коллегам по университету. В то же время, предложения от советских властей были крайне неопределенные. Первоначальный замысел подчинить Толмачеву все отряды экспедиции сменился решением поручить ему руководство только одним отрядом, соответственно сокращалось и планирующееся материальное вознаграждение. Все это сообщали Толмачеву в частной переписке члены КЯР. Просьба Толмачева выслать ему официальное приглашение и заключить с ним договор, защищающий его права, на основании которого ему поручалось бы выполнение определенной работы, осталась без ответа... Руководителем Колымским отрядом в 1927 г. был назначен С. В. Обручев. Тогда же Президиум АН поручил КЯР «уведомить И. П. Толмачева, что в настоящем году Академия наук не предполагает просить его прибыть в Ленинград для участия в академических экспедициях».

Масштаб и результаты этих работ хорошо известны благодаря научным и научно-популярным публикациям. Мы же остановимся лишь на одном вопросе. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились документы, касающиеся подготовки этой экспедиции, и протоколы засе-

даний. Среди них – записка И. П. Толмачева, в которой он, с энтузиазмом встретив известие, что в Сибирь собираются направить «медицинский отряд», рассказывает о том, с чем ему пришлось столкнуться во время своих экспедиций. Документ представляет собой 5 машинописных листов, дата и место вписаны от руки, подлинность удостоверена личной подписью И. П. Толмачева. Документ, по нашему мнению, не нуждается в пространных комментариях, а краткие приведены по тексту в круглых скобках. Орфография и пунктуация при его публикации приближена к современной. Случайный пропуск букв в записке восполнен и выделен квадратными скобками.

«Во время моих путешествий по Северу Сибири, в значительной степени приходившихся и на Якутскую область, я, естественно, обращал много внимания на вопрос о санитарном благополучии населения, не мог пройти мимо печального явления вымирания целых племен и пытался выяснить, представляется ли это явление общим и неизбежным или обуславливается частными причинами, устранение которых устранило бы и самое явление. Результаты этих наблюдений упоминаются не раз в моих отчетах и в работах моих сотрудников и по отношению к тунгусам цитируются, напр[имер], в трудах Патканова.

Не входя в детали, скажу только, что я пришел к заключению, по отношению к ряду племен являющемуся благоприятным. Многие из них имеют в себе, несомненно, большой запас жизненных сил, и их вымирание, наблюдавшееся sporadически в Сибирской истории, является результатом причин, б[олее] и[ли] м[енее] случайных, хотя часто катастрофических, но, во всяком случае, устранимых.

Встречаясь с туземным населением, я по мере сил и возможностей старался оказывать ему медицинскую помощь, за которой ко мне обращались всюду, не спрашивая, могу ли я ее оказать. Были случаи, когда ко мне при[ез]жали за ожидаемой помощью за сотни верст. Я внимательно расспрашивал каждого, давал совет, какой был в состоянии, снабжал лекарствами из дорожной аптеки, часто в запас, и, как говорили, лечил, в общем, очень удачно. Количественно помощь моя была, конечно, невелика, как и действительна в случаях легких заболеваний, но это сближало меня с местным населением и лучше позволяло узнать его нужды в этом отношении, чем собиранье сведений каким-либо иным путем. Позднее мне приходилось возвращаться к тому же вопросу при снаряжении Российским обществом Красного Креста оспенных экспедиций в Туруханский край во время свирепствовавших там эпидемий, когда Общество обращалось ко мне за советом.

Вспоминаю обо всем этом я с исключительной целью: показать, что вопросы эти, столь далеко стоящие от моей прямой специальности, не являются для меня совершенно чуждыми и что мои дальнейшие заключения есть результат наблюдения на местах и долголетнего обдумывания своих наблюдений и полученных на местах сведений и данных.

В бытность свою в России, возвращаясь к вопросу о медицинской помощи населению отдаленных местностей Сибири, я не раз указывал, что если, с одной стороны, необходимы более частые врачебные пункты с врачом и больницей (во время моего последнего посещения Якутской области единственный врач на весь северо-восток области находился в Средне-Колымске, а другой случайно на м. Дежнева, куда он был завезен частной компанией), то, с другой, необходимы и летучие медицинские отряды, которые оказывали бы помощь крайне редкому населению области чисто экспедиционным путем, причем эти отряды персонально должны быть независимы от стационарных, хотя в случае необходимости могли быть подчинены последним в административном и хозяйственном отношении. Я указывал также, что отряды эти должны сосредоточить свое внимание на борьбе с болезнями, которые могут успешно лечиться в этих условиях, хотя, конечно, не должны отказывать населению ни в какой форме медицинской помощи. Я обратил внимание на то, что болезни эти являются среди наиболее обычных в местности, и что победа над ними, вероятно, повернула бы вопрос о вымирании населения окраин в совершенно другую сторону.

Мне, однако, не удалось убедить, кого следовало, в необходимости посылки подобных экспедиций (хотя, вообще говоря, такие экспедиции имели изредка место), ни даже просто встретить достаточно вдумчивого отношения к этим предположениям. Понятно поэтому, с каким интересом я прочел в труде проф. П. В. Виттенбурга об Якутской экспедиции и о намерении включить в состав экспедиции и медицинские отряды, определившие, по моему мнению, совершенно правильно свои главнейшие задачи, сводящиеся к тому, чтобы исследовать медицинское состояние населения, оказать ему непосредственную медицинскую помощь и по мере возможности научить его бороться хотя бы с некоторыми болезнями, а главное, предупреждать их. В дальнейшем мне хочется высказать некоторые свои соображения о практической работе подобных отрядов, соображения, являвшиеся у меня много лет тому назад, когда я сам хлопотал об организации этим путем медицинской помощи окраинному населению.

Не касаясь этого сложного вопроса во всей широте, я считал в свое время, что по отношению к борьбе с ними болезни населения Якутской области распадаются на две более или менее резко отличающиеся группы.

Первая охватывает болезни неизлечимые или требующие продолжительного клинического лечения, или лечения под продолжительным и непосредственным наблюдением и руководством врача. К числу их относятся, напр[имер], широко распространенная в Якутской области (последние два слова зачеркнуты и над строкой вписано простым карандашом, почерком не Толмачева: "Якутии и Чукотии." – О. К.) проказа, сифилис, ряд нервных заболеваний и многие другие страдания. Работа летучих отрядов в этом случае вряд ли может принести большие результаты в деле собственно лечения. Очень важно, однако, ознакомить население с признаками этих болезней, в особенности в их первичной стадии, путями и способами заражения, научить его предосторожности против заражения при общении с больными и, насколько возможно, предупредительным мерам.

Другие болезни, весьма многочисленные, часто эпидемические и тогда нередко принимающие характер катастрофического народного бедствия, могут быть вообще отнесены к числу острых заболеваний, принимающих иногда хроническую форму, но и тогда поддающихся сравнительно легко энергичному и правильному лечению. Некоторые из них легко могут быть предупреждаемы, от других, благодаря их легкой распознаваемости, легче уберечься. К числу их относятся все острые заразные болезни, как напр[имер], оспа, на долю которой необходимо отнести вымирание целых племен не только в Сибири, но и в самых различных местностях земного шара, корь, среди северного населения отнюдь не являющаяся относительно легкой болезнью, поражающей и взрослых,

и мн. др. К этой же группе относится ряд глазных болезней, в особенности трахома, заражение глистами, чрезвычайно широко распространенное, отчасти многочисленные женские болезни и мн. др. Борьба с болезнями второй группы является главной задачей летучих отрядов, и по- мощь, которая может быть оказана населению, мне представляется неизмеримой по своему объему и значению. Конечно, трудно ожидать, чтобы отряду или даже отрядам удалось встретиться со все- ми болезнями этого порядка, в особенности с острыми эпидемическими болезнями, но некоторые из них являются постоянными или с ними возможно постоянно бороться, и против этих-то заболе- ваний в первую очередь и должна, по моему мнению, направиться энергия отрядов.

Когда в свое время меня спрашивали, как я представляю себе медицинские экспедиции в трудных местных условиях и при неизбежной ограниченности средств и сил, я неизменно отвечал: "Привейте населению оспу, дайте ему глистогон, научите лечить трахому в самом начале заболе- вания и помогите женщинам, хотя бы в некоторых формах заболеваний, и вы оздоровите население в пределах, которые теперь трудно представить".

Прививка оспы. Как известно, представляет крайне простую операцию, в сравнительно еще недавнее время производившуюся совершенно случайными оспопрививателями, даже тогда, когда оспенный детрит брался от другого пациента. Отряд может поэтому производить оспопрививание не только своими силами, но и привлечь к непосредственной работе представителей местного на- селения, остановившись, конечно, на наиболее толковых и надежных лицах. В свое время этим, напр[имер], охотно занималось духовенство. Мне самому оспа в детстве была привита дяконом, хотя это было в городе (Иркутске), где не было недостатка во врачах или хотя бы фельдшерах. Не- обходимо, однако, иметь в виду известные предосторожности, чтобы не заморозить детрит во время перевозок зимою, когда во многих местах области и делается наиболее удобное сообщение, равно как и в жилых помещениях, ночная температура в которых часто опускается ниже нуля. Мы возили и хранили оспенный детрит в согреваемых хронометрических ящиках, и устройство подобных хра- нилищ не представляет никаких трудностей, тем более, что этим же путем необходимо сохранять и различные медицинские сыворотки. Т[ак] н[азываемые] термосы с успехом могут быть применены для этой цели. К хранению в жилых помещениях с понижающейся температурой ночью также легко приспособиться. Стоит, напр[имер], коробку с препаратом, стоявшую в теплом помещении откры- той и, следовательно, принявшую комнатную температуру, на ночь завернуть в олений или иной мех, чтобы вполне предохранить ее от замерзания ночью.

Во время своей Хатангской экспедиции, когда особенно много приходилось лечить, я не взял с собой глистогенов, хотя предвидел возможность заражения для членов экспедиции, но считал, что лечение в случае надобности может быть сделано по возвращении. Я не раз пожалел об этом позд- нее, так как во многих случаях у населения не только имелись глисты, но и в количествах, вызыва- ющих уже известные страдания. Я наблюдал, напр[имер], острое малокровие, которое должен был приписать этому. В других случаях малокровие, зависящее от той же причины, было хроническим. В том и другом случае результатом было ослабление организма и понижение его сопротивляемости в случаях других болезней. Это обилие внутренних паразитов находит себе объяснение в обильном употреблении населением сырого мяса и, в особенности, сырой рыбы. Если не считать жителей городов, то можно сказать, что в холодное время года, т. е. приблизительно в течение 7 месяцев, жители Якутской области каждый день едят струганину, т. е. нарезанную стружками мерзлую рыбу, что считается деликатесом (и является им). Один из обитателей низовьев Колымы, живший хоро- шим хозяйством, хвалился мне, что его погреба настолько хороши, что они могут есть струганину и летом. Борьба против сырой пищи было бы совершенно нерационально, во-первых, потому, что борьба была бы совершенно безнадёжной, а во-вторых, вполне возможно, что этим население предохраняется от скорбута (иное название цинги. – О. К.), болезни вполне возможной в данных условиях. Насколько население само готово бороться против глистов, видно из того, что больные соглашаются принимать внутрь скипидар, который в виде опыта я пробовал давать вместо более действенного лекарства, между прочим, без хорошего результата.

Глазные болезни, в частности трахома, широко распространены в Якутской области, и слу- чаи слепоты далеко не редкость. Часть последних, часто квалифицируемых слепорожденными, должна быть, вероятно, отнесена на гонорею новорожденных, но во многих случаях слепота явля- ется результатом более поздних заболеваний. Между тем, трахома сравнительно легко лечится в на- чале, насколько мне известно, прижиганием купоросом (медным), чему легко могли бы научиться толковые местные жители, хотя бы те же предполагаемые оспопрививатели, о которых упоминалось выше. Очень желательное участие в отряде опытного окулиста, который мог бы восстановить зре- ние не одному слепому путем снятия катарактов. Много лет тому назад в Якутск была направлена глазная экспедиция, про работу которой мне много рассказывали на месте, сообщая трогательные рассказы об ощущениях якута, бывшего слепым около двадцати лет и вдруг прозревшего после легкой операции.

Мне только раз почти что пришлось взяться за обязанности акушера. Было это на оз. Ессей. Когда я что-то делал около дома, ко мне подошел зимовавший на озере миссионер и без дальнейших околичностей спросил, умею ли я удалять детское место. Оказалось, что на озере была роженица, разрешившаяся от бремени уже три дня тому назад, но лежавшая с невышедшим детским местом. Я сказал, что никогда мне этого делать не приходилось, но я знаю прием и готов сделать, что нужно, зная, что в противном случае роженице угрожает смертельная опасность. Мы предварительно, одна- ко, устроили своего рода консилиум и решили попытаться дать роженице предварительно сильную клизму. К моему удовольствию, этот прием дал желаемые результаты, и моей помощи не потребо- валось. Позднее я видел эту женщину совершенно здоровой, насколько, по крайней мере, можно было судить по внешнему виду. Но если я не имел дела непосредственно с больными, то ко мне за советами неоднократно обращались мужья больных женщин, обыкновенно страдавших кровоте- чениями, по рассказам, часто очень изнурительными. В громадном большинстве случаев это результат каких-нибудь неполадок при родах, что отчасти доказывается и тем, что дальнейшее деторождение нередко прекращалось. Я вынес убеждение, что болезни этого рода чрезвычайно распространены в крае и, ослабляя организм женщины, они легко делают его легкой добычей самых различных забо- леваний, на что, между прочим, указывает и приводимая в труде П. В. Виттенбурга статистика, пока- зывающая, во-первых, очень большую женскую смертность вообще, а во-вторых, то, что смертность

эта падает главным образом на брачный возраст. Помочь в случаях подобных заболеваний, конечно, сложнее, чем во многих выше рассмотренных случаях, но очень часто здоровье женщины могло бы быть восстановлено при помощи сравнительно легкой операции. Мне представлялось и представляется весьма желательным, чтобы отряд был готов к этому и был в состоянии производить подобные операции. Во многих случаях большую пользу могут принести разного рода советы и указания роженницам или, еще лучше, женщинам, готовящимся сделаться матерью, для чего очень желательно иметь в составе отряда женщину-врача или фельдшерицу и лучше всего со знанием местного языка. В заключение я должен сказать, как туземное население северной Сибири в лице своих даже наименее культурных представителей относится к чужому для них человеку, в котором они видят ясное желание оказать им посильную медицинскую помощь. С удивительным, можно сказать, прямо трогательным доверием, что, с одной стороны, чрезвычайно облегчает работу, а с другой, как-то обязывает человека, приходившего с ними в столкновение, стремиться продолжить оказание этой помощи, если и не путем личной работы, то, по крайней мере, сообщением своих немногочисленных и чисто любительских наблюдений и заключений.

И. Толмачев, Pittsburgh, Pa.
1925, ноябрь, 28» (4)

Несомненно, это важное свидетельство о состоянии здоровья населения севера Сибири в начале XX в. не останется без внимания тех, кто занимается историей края.

1. Красникова О. А. Формирование картографических представлений о Чукотском побережье Северного Ледовитого океана на рубеже XIX–XX вв. // «О Камчатке: ее пределах и состоянии...» : мат. XXIX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 150–153; Колымская экспедиция Седова // Наука из первых рук. 2012. № 12. С. 93–105; Чукотская экспедиция И. П. Толмачева: в поисках Северного пути // Наука из первых рук. № 2 (56). 2014. С. 88–107.
2. Красникова О. А. Хатангская экспедиция РГО 1905 г. под руководством И. П. Толмачева и Академия наук // Наука и техника: Вопросы истории и теории: тез. XXIX международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники (24–28 ноября 2008 г.) / отв. ред. Э. И. Колчинский. Вып. XXIV. СПб. : СПбФ ИИЕТ РАН, 2008. С. 85–87.
3. СПФ АРАН. Ф. 1053. Оп. 1. № 51. Конспект доклада И. П. Толмачева в РГО с изложением результатов экспедиции и дальнейших планов по обработке экспедиционного материала. 20 л. и др.
4. Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1925. № 34. Л. 48–52.

Красникова О. А. Записка И. П. Толмачева по результатам экспедиций по Северу Сибири в начале XX в. // «Отчизны верные сыны» : материалы XXXII Крашенинниковских чтений / М-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. – Петропавловск-Камчатский, 2015. – С. 217–222.